

редакция, датированная 28 февраля 1922 года, при этом в разделе «Варианты» был сохранен хронологический порядок создания ранних редакций.

Критика 1890-х годов не обошла вниманием первый перевод Сологуба из Верлена. Так, Пл. Н. Краснов выделил как несомненно удачные переводы из сборника «Мудрость» (помимо перевода стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...», в 1890-е годы Сологуб опубликовал перевод одного из самых трагичных стихотворений сборника «Un grand soleil noir...» — «Я в черные дни / Не жду пробужденья...»⁴¹): «Г. Сологуб переводил Поля Верлена. Передать этого капризного декадента русскими стихами — задача не легкая, и нельзя сказать, чтобы г. Сологуб всегда удачно с ней справлялся. Но перевод некоторых пьес, особенно из отдела „Sagesses“, необыкновенно хорош. И во всяком случае, хотя у нас очень многие поэты, прельщаясь простой конструкцией песенок Верлена, пробовали переводить его стихи, только г. Сологубу удавалось порой сделать перевод, достойный оригинала. И это ему удавалось несомненно потому, что души обоих поэтов родственны: Поль Верлен также начал с опьянения страстями и кончил мистическими порывами, как и русский его последователь».⁴²

Во втором варианте перевода Сологубу, по-видимому, в полной мере удалось уловить и передать музыкальность стиха Верлена. Об этом свидетельствует отклик Александра Блока на присланную ему книгу «Поль Верлен. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом» в письме Сологубу от 2 декабря 1907 года: «Вы знаете ли, что последнее стихотворение (второй вариант: «Синева небес над кровлей») попало мне очень давно и было для меня одним из первых острых откровений новой поэзии. Оно связано для меня с музыкой композитора С. В. Панченко, моего давнего и хорошего знакомого. С тех пор ношу это стихотворение в памяти, ибо оно неразлучно со мною с тех дней, „как постигал я первую любовь“. И в эти дни, когда я мучительно сомневаюсь в себе и вижу много людей, но, в сущности, не умею увидеть почти никого, — мотив стихотворения и слова его со мной».⁴³

⁴¹ См.: Петербургская жизнь. 1897. 23 нояб. № 264. С. 2207.

⁴² Краснов Пл. Неоромантическая и мистическая поэзия // Книжки недели. 1897. № 11. С. 150.

⁴³ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 219.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-240-252

© Н. А. Богомолов

«ПУШКИН — ЦЕНТРИФУГЕ»

История неизданного сборника*

Относительно широкий круг людей, интересующихся литературой начала XX века, должен был заметить книгу, о которой далее пойдет речь, из напечатанных воспоминаниях М. Л. Гаспарова о С. П. Боброве: «„А вы знаете, что в «Центрифуге» должен был издаваться Пушкин? «Пушкин — Центрифуге», неизвестные страницы, подготовил Брюсов. Не потому неизвестные, что неизданные, а потому, что их никто не читает. Думаете, мало таких? целая книга!“ (Я вспомнил эпитафии, подписанные «А. П.»). Потом в архиве Брюсова я нашел этот его договор с «Центрифугой»».¹ Упоминает этот замысел с указанием некоторых архивных шифров

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-012-00106А.

¹ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 389. См. также более ранние публикации: Гаспаров М. Л. 1) Воспоминания о С. П. Боброве // Блоковский сборник. Тарту, 1993. [Вып.] XII. С. 179–195; 2) Воспоминания о Сергее Боброве // Неизвестная книга Сергея Боброва из собрания библиотеки Стэнфордского университета / Под ред. М. Л. Гаспарова. [Oakland, 1993]. P. 75–94 (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

Е. В. Зеленкова в статье о пушкинской мистификации Боброва: «После революции 1917 г. „Центрифуга“, и так не отличавшаяся наличием единой программы, столкнулась с рядом организационных и финансовых трудностей. Поиски возможностей для продолжения деятельности привели бессменного руководителя группы Сергея Боброва к идее издания „неизвестных“ стихотворений Пушкина (по воспоминаниям М. Гаспарова, Бобров говорил не о неизданных стихотворениях Пушкина, а о тех, которые «никто не читает» <...>). Книга должна была называться „Пушкин — Центрифуга“, проект издания хранится в фонде поэта в РГАЛИ. Очевидно, что интерес к пушкинскому стиху и невозможность продолжения литературной деятельности заставили Боброва обратить на себя внимание достаточно эксцентричным способом...».² Однако о существовании такого проекта и в общих чертах о его содержании можно было узнать достаточно давно. В весьма известном издании читаем: «Интересны следы задуманной Брюсовым работы, которая должна была появиться в издании „Центрифуга“. Из сохранившихся в архиве проекта предисловия и плана издания видно, что Брюсов намеревался собрать „страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращалось внимания; сопоставлением стихотворений и отрывков прозы выявить новое в уже знакомом“. В книгу должны были войти: лирика (малоизвестные редакции, варианты, черновые наброски), отрывки из поэм и драм и повестей в малоизвестных редакциях, статьи и письма. В предисловии к задуманной книге Брюсов говорит, что издательство намерено доступным совершенством печати „дать гармонию внешности страницы и ее содержания“, так как, по его глубокому убеждению, „внешность страницы уясняет стоящее на ней“».³ И на этом список свидетельств об этой книге почти исчерпывается.

Однако из материалов, находящихся в архивах, можно создать гораздо более полное представление об этой вполне продуманной, но не доведенной до печатного станка книге, которая значима для понимания идейной позиции и художественной ориентации «Центрифуги» в революционные годы.

Историю группы «Центрифуга» нельзя назвать вовсе не изученной,⁴ однако в ней явно есть некоторые лакуны. Так, главный инициатор всех действий группы С. П. Бобров писал, вспоминая историю возникновения группы: «Пришел некий вечер, и мы втроем основали ЦЕНТРИФУГУ. Сперва она называлась так: „Временный экстраординарный комитет по делам книгоиздательства Лирика“, а затем это стало самостоятельное книгоиздательство. Мы разослали всем „лирикам“ грозную бумагу — Лирика упраздняется. Кто ее упраздняет? Мы. Кто мы? Вот мы трое, которые, собравшись однажды, выбрали единогласно из своей среды сей комитет, куда и вошли все мы трое. Скандал поднялся неизобразимый. Мы переругались со всеми решительно. Так родилась ЦЕНТРИФУГА. К ней в дальнейшем примкнули И. А. Аксенов и еще кое-кто. Мы были так сказать на правом крыле футуризма, мы не только „признавали“ Пушкина,

² «См. мат<ериалы> фонда С. П. Боброва: РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1; а также письмо В. Я. Брюсова с предложением вариантов названия: Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 8. Бобров и раньше обращался к поэзии Пушкина, в частности, книга „Новое о стихосложении Пушкина“ (1915) посвящена проблемам стиховедения и вопросу о долнике (или «паузнике» — в терминологии автора)» (прим. Е. В. Зеленковой. — Н. Б.; цит. по: Зеленкова Е. В. Об одной литературной мистификации: С. Бобров — автор окончания пушкинской «Юдифи» // Русская филология. Тарту, 2013. [Вып. 24]. С. 169).

³ Ашукин Н. С. Пушкиниана в архиве В. Я. Брюсова // Брюсов В. Я. Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929. С. 307. В менее развернутом виде см. также: Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н. С. Ашукин. М., 1929. С. 346.

⁴ См., например: Марков В. История русского футуризма. СПб., 2000. С. 196–235 (впервые опубли. по-английски в 1969 году); Казакова С. Творческая история объединения «Центрифуга» // Russian Literature. 1990. Vol. XXVII. Fasc. 4. P. 459–482; Флейшман Л. История «Центрифуги» // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 521–543 (впервые опубли. в 1977 году); Шукуров Д. Л. Литературные стратегии творчества авторов группы «Центрифуга» // Соловьевские исследования. Иваново, 2012. Вып. 3 (35). С. 111–121.

но и работали над ним». ⁵ Но как будто эта работа не укладывается в общую футуристическую ориентацию группы. Так, Л. Флейшман писал: «Главные нереализованные проекты „Центрифуги“ конца 1916 — начала 1917 г. — это организация художественного салона и третий альманах. <...> Кроме Третьего альманаха, в 1917 г. велась подготовка к изданию сборника „Стиховед“ и двухмесячника „Центрифуги“». ⁶ Несколько более подробен А. В. Крусанов, завершающий обстоятельный разговор о «Третьем сборнике Центрифуги» словами: «Несмотря на то, что „Третий сборник Центрифуги“ был практически собран и готов к печати, на его издание не хватило денег. <...> Кроме того, к лету 1917 г. были подготовлены к печати, но не вышли из-за отсутствия средств книги С. Боброва „К. Бубера. Критика житейской философии“, посвященный малоизвестным творениям Пушкина сборник под редакцией В. Брюсова „Пушкину Центрифуга“, альбом рисунков А. А. Экстер „Разрыв, движение, вес“, сборник по теории стихосложения „Стиховед“ и другие. <...> Фактически к концу лета 1917 г. работа „Центрифуги“ была парализована отсутствием финансирования и ростом стоимости типографских услуг». ⁷

Как видим, сборник под редакцией Брюсова если и упоминается среди книг футуристического издательства, то как некий случайный элемент. Лишь Е. В. Зеленкова попыталась каким-то образом вписать его в логику группового развития, однако получилось это, на наш взгляд, не вполне убедительно. Попробуем эту логику восстановить.

Создавая биографию Боброва, Ю. М. Гальперин писал: «Важную роль в творческой жизни Боброва сыграло знакомство в конце 1900-х гг. с В. Я. Брюсовым и А. Белым. Бобров был действительным членом кружка стиховедов и поэтов, организованного при издательстве „Мусагет“ (т. н. «Молодой Мусагет»). Литературный дебют Боброва — посвящение Брюсову, которого Бобров считал своим учителем (см. его выразительный портрет в автобиографическом романе Боброва «Мальчик», М., 1966, с. 230–235), стихотворение «Spiritus» («Весна», 1908, № 9, подпись С. Яншин)...». ⁸ Однако то ли по условиям издания, то ли по собственным представлениям автор не стал говорить о том, что Бобров находился в гораздо более тесных отношениях с лидерами символизма. Тем не менее это было. О связях с Андреем Белым известно уже достаточно подробно, ⁹ но, как кажется, отношения с Брюсовым были более существенными для его становления как личности — а следовательно, и как поэта.

И здесь прежде всего следует отметить, что в конце 1912 года Бобров делается секретарем Общества Свободной эстетики, ¹⁰ непререкаемым вождем которого был Брюсов, и на некоторое время полностью попадает в зависимость от него. К этому добавляется, что он работает и секретарем журнала «Русский архив» — явно также по протекции Брюсова, с этим журналом тесно сотрудничавшего. Приведем фрагменты из дневника Боброва, относящиеся к 1912 году: «28.XI. Сегодня был у Брюсовых. <...> И. М. ругала Эльснера, говорила, что он наглый господин. В. Я. тоже. Это хорошо. Брюсов из „Русской Мысли“ ушел. Будет там, вероятно, Любовь Гуревич. Позвали меня обедать. Говорил Брюсов, что футуризмом он доволен — и поэтическим, и живописным. Однако согласился со мной в том, что Игорь Северянин без своих

⁵ «Это было горячо и талантливо»: Письма С. П. Боброва к А. П. Квятковскому / Публ. Я. Квятковского, подг. текста, предисловие и комм. Д. Давыдова // Новый мир. 2009. № 8. С. 149. Помимо интересующего нас сборника Пушкина тут явно имеются в виду небольшие книжки самого Боброва «Новое о стихосложении А. С. Пушкина», «Записки стихотворца» (обе вышли в издательстве «Мусагет» в 1915 и 1916 годах), его же статья «Описание стихотворения Пушкина „Виноград“» (Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. XXIX–XXX; имеется отдельный оттиск).

⁶ Флейшман Л. История «Центрифуги». С. 538, 542.

⁷ Крусанов А. В. Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. С. 798.

⁸ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 293.

⁹ Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. 1909–1912 / Вступ. статья, публ. и комм. К. Ю. По-стоуленко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб. 1992. [Вып.] 1. С. 113–169.

¹⁰ Некоторые сведения об этом см. в новейшей работе: Соболев А. Л. Общество свободной эстетики (1906–1917): Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 394.

„словечек“ никуда не годится. Он говорит: „Я хорошо знаю, как делаются петербургские стихи, а как футуристические задумываются — нет“. <...>

29. XI. Сегодня был мой первый вечер в „Эстетике“. (Незадолго до этого И. М. Брюсова устроила его секретарем в Общество Св<ободной> Эстетики¹¹). Перед этим я был в парикмахерской, где был чисто выбрит, прилизан и приведен в эстетический вид. Потом был дома, обедал, — маменька меня благословила на труды, а с нянюшкой мы трогательно поцеловались перед моим отбытием. Приехал я — еще никого не было. Достал из шкапа книги, бумагу, чернила. За хранение пальто с меня двугривенного, ввиду моего служебного положения, не взяли. Потом пришла Анна Петровна и была ужасно довольна, что уже все готово. Начала стекаться публика. Был Си,¹² Шенрок, Пастернак. Был Мешков, говорил о своем журнале, просил стихов. Народу было видимо-невидимо, так что одна дама сказала: „Семейная баня, а не Эстетика“. Брюсов читал удивительнейшие, несказанные стихи. Особенно прекрасны были о гороскопе, Иксион и Зевс, и „Наполеон“. Чудесно, чудесно! И когда читал — смотрел вверх — как орел, на Ганимеда! Между прочим, он вчера говорил, что, начиная писать, никому своих стихов не носил. А тогда были Бальмонт и Мережковский, которыми он сильно увлекался. А Бальмонт сам к Брюсову пришел».¹³

Таким образом очевидно, что примерно с конца 1912 года Бобров становится не только знакомым Брюсова, но и его сотрудником. Это позволяло ему впоследствии предложить мэтру составить оригинальную книгу, за которую книгоиздательство «Центрифуга» готово было выдать недурной гонорар. Переговоры пришлось на смутные времена в истории России. Первый из известных нам документов относится к марту 1917 года:

«Мы, нижеподписавшиеся, издательство „Центрифуга“ и В. Я. Брюсов, заключили нижеследующее условие:

1) Я, Брюсов, обязуюсь составить для изд-ва сборник произведений Пушкина, согласно с программой, выясненной при наших личных переговорах, размерами около десяти печатных листов, с моим предисловием и примечаниями, и доставить рукопись сборника, вполне готовую к печати, не позднее 1 июля сего 1917 года.

2) Изд-во „Центрифуга“ уплачивает мне, Брюсову, как гонорар за эту работу тысячу (1.000) рублей, с правом напечатать издание в четыре тысячи (4.000) экземпляров, при продажной цене в 2 р. 50 к. за экз.

3) Этот гонорар уплачивается в четыре срока, равными частями: 250 руб. при подписании сего условия; 250 руб. при сдаче рукописи; 250 руб. по выходе книги из печати, и 250 руб. через три месяца после выхода книги.

4) Изд-во „Центрифуга“ обязуется напечатать книгу в срок не больший, нежели 1 год со дня сдачи рукописи; если в течение года книга издана не будет, я, Брюсов, волен издать ее через другое изд-во, а полученные мною части гонорара остаются в мою пользу.

Первая часть гонорара, в размере двухсот пятидесяти (250) рублей, получена мною при подписании сего условия, 22 марта 1917 года. Валерий Яковлевич Брюсов.

Редактор Издатель К-ва Центрифуга Сергей Бобров».¹⁴

И почти сразу же, вдогон, Брюсов пишет еще одно письмо:

«1 Мещанская, 32

24 марта 17.

Дорогой Сергей Павлович!

Так как „Ц“ <так!> хотела анонсовать книгу немедленно, спешу предложить изменение заглавия. Не лучше ли, вместо „Пушкину Центрифуга“, —

¹¹ Примечание, по всей вероятности, М. П. Богословской-Бобровой.

¹² Фамилия в машинописной копии не пропечаталась. Если исходить из логики времени, это должен быть А. А. Сидоров.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 270. Л. 5–6. Машинопись (вероятно, сделанная М. П. Богословской-Бобровой для неосуществленной публикации).

¹⁴ Там же. Ед. хр. 665. Машинопись, текст приписки — рукой Брюсова. Заключительная подпись — рукой С. П. Боброва. Частично опубл.: *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. М., 2006. С. 494. Ср. также запись в «Дневнике поэта»: Лит. наследство. 1976. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 30.

Пушкин — Центрифуге

ибо Пушкин — автор, и его имя желательно в именительном, а смысл еще правильнее: то, что Пушкин дает Центрифуге.

Кстати посылаю: проект предисловия («от редактора», а «от издателей» может быть другое) и образцы намечаемых стихов. Обдумав, вижу, что 10 листов удастся составить из материала весьма свежего, частью многим и многим неизвестного, частью — никому, ибо то будут мои открытия в рукописях и мои чтения рукописей, другими читаемых совсем по-иному.

Ваш
Валерий Брюсов.

Кланяюсь Ив. Алкс. Аксенову и бегло отвечаю. Слово „предпочесть“ имеет два смысла: 1) предпочесть что чему, напр. „предпочесть Кружок поэме Липскерова“, 2) предпочесть — отдать предпочтение чему пред чем, напр., „отдать предпочтение Авсонию пред прогулкой с красными флагами“ и „предпочесть Авсонию прогулку“. Конечно, последнее — латинизм: *rei publicae vitam graificari*, но возможный. Впрочем, после указания Ив. Алкс. подумываю стих изменить.

В.»¹⁵

В июле Брюсов передает Боброву еще одну расписку, которая, согласно их «условию», должна была соответствовать сдаче рукописи. У нас есть все основания полагать, что на деле Брюсов рукописи не сдал, но обозначил свою реальную работу над книгой, о чем см. далее:

«В счет гонорара за книгу „Пушкин — Центрифуге“ двести пятьдесят рублей, чеком на Московскую Контору Государственного банка, 9-го июля 1917 года, получил Валерий Брюсов».¹⁶

Последнее свидетельство общения издателя и автора относительно планируемой книги находим в краткой записочке Боброва, посланной уже в следующем году:

«Милостивый Государь,
дорогой Валерий Яковлевич.

Не откажитесь, черкните мне два словечка, когда можно к Вам приехать и застать Вас, чтобы поговорить о нашем Пушкине и еще кое о чем.

Буду Вам очень признателен.

Преданный Вам

Сергей Бобров».¹⁷

Не обозначенный «разговор кое о чем», возможно, касался проблем, о которых Бобров писал менее чем через месяц:

«Милостивый Государь

Дорогой

Валерий Яковлевич,

Передавая Вам прошлый раз приглашение Лундберга в его журнал, я, как Вы, может быть, помните, указывал на то, что в журнале этом не будет политики. Так мне об этом сказал дважды сам Е. Г. Лундберг. В сегодняшнем же № „Знамени труда“ — для меня совершенно неожиданно — появилось объявление, из которого явствует, что политика все же будет. Прилагаю это объявление, чтобы Вы могли судить о всем сами. Надеюсь, Вы извините меня, что я совершенно невольно Вас подвел.

Примите, дорогой Валерий Яковлевич, мои уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Сергей Бобров».¹⁸

¹⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1. Машинопись, подписи чернилами. Штемпель: К-во ЦЕНТРИФУГА. Получено 26.III.917. Вх. № 79. Исп. исх. №.

¹⁶ Там же. Л. 2. Штемпель: Валерий Яковлевич Брюсов. Москва, 1 Мещанская, 3. Второй штемпель: К-во ЦЕНТРИФУГА. Получено 9.VII. 917. Входящего и исходящего №, означенных в тексте штемпеля, нет.

¹⁷ РГБ. Ф. 386. Карт. 77. Ед. хр. 46. Л. 6. Машинопись, подпись — автограф. Штемпель: «Центрифуга». Отправляется 4 апр<еля> 1918.

¹⁸ Там же. Л. 7. Штемпель: 1 мая 1918. Приложена вырезка из газеты «Знамя Труда» от 1 мая (№ 193) о выходе в середине мая первого номера периодического журнала «Знамя Труда:

В 1917 году Брюсов работал над сборником вполне активно, о чем свидетельствуют материалы, отложившиеся в его архиве (РГБ) под заглавием «Материалы к работе по подготовке сборника избранных произведений А. С. Пушкина (издательство «Центрифуга») [1917]».¹⁹ О том, что это действительно 1917 год или самое начало 1918-го, свидетельствует гротовская орфография, от которой Брюсов довольно быстро отказался. Первый лист с карандашными набросками того, как должно быть расположено заглавие книги, явно относится к первым дням работы:

ПУШКИНУ
ЦЕНТРИФУГА

Как мы помним, 24 марта 1917 года Брюсов предложил Боброву иное заглавие — «Пушкин Центрифуге», которое младший поэт вряд ли решился отвергнуть. Стало быть, данный лист заполнялся не позже этой даты.

Тогда же Брюсов стал готовить предисловие. Сохранилось два черновых его наброска, которые мы публикуем. Нам представляется, что первым был краткий фрагмент под заглавием «Предисловие», сделанный карандашом: «Наша задача — собрать страницы П<ушкина>, кот<орые> особенно часто хочется перечитывать» (л. 14). Более проработан другой черновик: «Каждое поколение оценивает и еще долго будет оценивать Пу<шки>на со своей точки зрения. Мы знаем много Пушк<ина>, нежели наши отцы и деды.

Представить полно этого „нашего“ П<у>шк<ина> — так<ова> цель издания. Мне хотелось в этой книге собрать все те строки Пу<шкина>, кот<орые> совр<еменный> чит<атель> перечитывает особен<но> часто. Выбор произвед<е>н<ий>, входящ<их> в кн<и>гу и общ<ая> редакци<я> испол<нены> Вал<ерием> Бр<юсовым>» (л. 7 об.; последнюю фразу нам прочитать не удалось).

Обращает на себя внимание, что главная задача будущего издания тут осмысливается как представление наиболее «современных» стихотворений Пушкина, тех, «которые особенно часто хочется перечитывать». Но вариант, видимо посланный в письме от 24 марта, говорит уже о другом. Вот эта машинопись без какой бы то ни было правки:

«Проект предисловия
к сборнику „Пушкину Центрифуга“

„Каждая строка Пушкина драгоценна“, — это, став общим местом, осталось — и это редко — истиной. И мы поставили бы заглавие „Пушкин, новое“, если б не верили, что у величайшего нашего поэта для русского читателя не может быть неизвестного. Но в собрании сочинений отдельные жемчужины тонут в блеске крупных перлов и главных алмазов венца. Кроме того, сопоставление страниц иногда по-новому их осмысливает. Поэтому, подбирая те жемчужины, мы включили и несколько известнейших драгоценностей — частью чтобы под блеском других озарить в них новые грани, частью — чтобы их собственным блеском осветить другие. Наконец, по нашему убеждению, внешность страниц уясняет стоящее на них: печатать должно столь же для глаз, как для слуха.

Итак, три задачи настоящего издания:

- 1) Собрать страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращают внимания.
- 2) Сопоставлением стихотворений и отрывков прозы выявить новое в уже знакомом.
- 3) Доступным нам совершенством печати дать гармонию внешности страниц и их содержания.

Временник литературы, искусства и политики», издаваемого под редакцией Р. Иванова-Разумника, Е. Г. Лундберга и В. А. Карелина.

¹⁹ Там же. Карт. 43. Ед. хр. 4. Далее ссылки на «Материалы...» даются в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера листа.

В примечаниях, с точностью, указано, откуда взят текст, причем явствует, что многие — непосредственно из рукописей.

1917

Валерий Брюсов» (л. 22).²⁰

Как видим, здесь еще сохранено первоначальное заглавие, но замысел уже несколько иной.

Следом за этим Брюсов приступает к подсчету объема книги, и выясняется, что в предположенные 10 печатных листов он никак не уместается. Инвентаризация проходит уже под заглавием «Пушкин Центрифуге», т. е. после второго письма к Боброву. На л. 2–11 Брюсов ведет подсчеты по разным принципам: по жанрам (лишь относительно соотносящимся с традиционной жанровой системой, как на л. 3 об.: «Чист<ая> лир<ика>. Перев<оды> и подр<ажания>. Баллады. Чернов<ые> наброски. Эпиграмм<ы>»), по количеству строк, по годам. Вряд ли имеет смысл приводить все эти записи, иногда чрезвычайно неразборчивые, но следует сказать, что в них уже отражился подход, обозначенный в предисловии: стихотворения малоизвестные, оставшиеся в черновиках, расшифрованные самим Брюсовым или его современниками, прежде всего (что показывают сохранившиеся наброски примечаний) П. Е. Щеголевым и Н. О. Лернером,²¹ но рядом с ними — прославленные, едва ли не самые знаменитые во всем наследии Пушкина, вплоть до «Я помню чудное мгновенье...», «Песни о вещем Олеге», «Бесов», «Пророка», «На холмах Грузии...», «Пира Петра Великого», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Видимо, после этого Брюсов составляет два плана, которые уже печатает на машинке и, судя по всему, посылает Боброву. Из тех подсчетов, о которых мы говорили, сформировались два варианта книги, рассчитанных на разный объем:

«Пушкин

1) Биографический очерк и выдержки из статей о Пушкине (Вл. Соловьева, Д. Мерзжковского, В. Розанова, Ф. Сологуба, Н. Лернера, Вал. Брюсова и др.).

2) Стихотворения (Лирика чистая, лирика подражательная, баллады, из черновых набросков, эпиграммы).

3) Поэмы (отрывки из «адской» поэмы, Цыгане, отрывки из Евгения Онегина, Медный Всадник, отрывки из Моей родословной).

4) Драмы (Пир во время чумы, Моцарт и Сальери).

5) Рассказы (Египетские ночи, отрывки из Пиковой Дамы, из неоконченных повестей).

6) Статьи.

7) Мелкие заметки, планы, наброски.

8) Примечания

Не свыше 20 лист.

Пушкин

(Второй план)

1) Биографический очерк и выдержки из статей.

2) Лирические стихотворения, лирические наброски, черновые варианты стихов.

3) Отрывки из „адской“ поэмы, черновые варианты Кавказского пленника, Бахчисарайского Фонтана, Евгения Онегина, Галуба и др.

4) Из неоконченных повестей. Египетские ночи.

5) Страницы из разных повестей, драм и т. под.

6) Статьи, заметки, наброски, планы.

²⁰ Этот проект предисловия был использован для рекламы, помещенной среди прочих объявлений в изданной «Центрифугой» книге И. Аксенова «Пикассо и окрестности». Для этой акции была снята только дата и подпись Брюсова.

²¹ В связи с решительным разрывом отношений между Брюсовым и Лернером используются те публикации последнего, которые были им выполнены для журнала «Весь». Подробнее о споре между двумя пушкинистами см.: Валерий Брюсов — историк литературы: Переписка с П. И. Бартевым и Н. О. Лернером. М., 2019. С. 112–115.

- 7) Выдержки из писем.
- 8) Примечания.

15–16 лист.» (л. 12–13).

Однако хочется обратить внимание, что этот замысел не был изолированным. Пункт «Пушкин» даже идет под вторым номером, а под первым — «Бодлэр». Он напечатан на той же самой машинке, на том же листе, что и первый план «Пушкин» (л. 12). Вот его текст:

«1. Бодлэр

- 1) Статьи о Бодлэре (биография, статьи Готье, Ренье, Роденбаха и др.)
- 2) Цветы Зла (Переводы К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Валерия Брюсова, Эллиса и мн. др.).
- 3) Маленькие поэмы в прозе
- 4) Искусственные эдемы
- 5) Художник и современная жизнь
- 6) Критические статьи
- 7) Мелкие статьи, планы, заметки
- 8) Дневники (мое обнаженное сердце и др.), воспоминания, письма
- 9) Примечания

Не свыше 15 лист.».

Невозможно не заметить, что в планах изданий Пушкина и Бодлера одинакова и общая структура, и объем. Видимо, планировалось создание какой-то серии однотипных изданий русских и иностранных (или только французских?) поэтов. С осторожностью можно предположить, что в этот проект входили еще сочинения Верлена (переводчиком и знатоком жизни и творчества которого был Брюсов) и А. Рембо, о котором незадолго до того большую статью напечатал Бобров.²² Однако ни об одной из этих книг мы не нашли никаких известий. Да и вообще, как уже отмечалось выше, издательская деятельность «Центрифуги» с весны 1917 года фактически прекратилась.

В сохранившихся «Материалах...» имеются также два наброска предисловия к изданию сочинений Пушкина. Приведем первый из них: «Уже при жизни Пушкина было, почти без споров, единогласно, признано, что он — великий народный поэт. Но полно оценили Пушкина лишь значительно позже. Во-первых, все действительно „великое“ требует времени и труда, чтобы быть вполне понятным. Значение Пушкина вполне выяснилось лишь после того, как его произведения были критически [разобраны несколькими поколениями наших критиков: Белинским, Анненковым, Добролюбовым, Ап. Григорьевым, Достоевским, Мережковским и многими другими, после того, как о Пушкине высказали свое суждение наши лучшие писатели: Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Тургенев и др.] разобраны несколькими поколениями критиков и все наши лучшие писатели высказали свои суждения об нем: Белинский, Анненков, Ап. Григорьев, Добролюбов, Писарев, Мережковский, Кольцов, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Л. Толстой и мн. др. участвовали в этой работе, конечно, в разной мере, но все способствовали уяснению образа Пушкина, даже те, которые, как Писарев и, иногда Л. Толстой, высказывали отрицательные суждения. Во-вторых, написанное Пушкиным лишь медленно, в течение десятилетий, становилось доступно читателям. Сам Пушкин напечатал, при своей жизни, далеко не все, что написал, частью потому, что мешала цензура (напр<имер>, поэма «Медный Всадник»), частью потому, что написанное еще не было закончено (напр<имер>, драма «Русалка», повесть «Арап Петра Великого», «Египетские Ночи») или не предназначалось автором для печати (многие эпиграммы и шутки, «История села Горюхина», все письма), частью по другим

²² Бобров С. Жизнь и творчество А. Рембо // Русская мысль. 1913. № 10. С. 127–154 (1-я паг.). Статью продвигал Брюсов. См. также восторженный пассаж Боброва о творчестве Бодлера (Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. С. 130–132).

причинам. В сочинениях Пушкина больше страниц, изданных по его смерти, чем при его жизни, и эти страницы, из которых некоторые впервые напечатаны совсем недавно (напр<имер>, строфы «Евгения Онегина» о декабристах), нередко прямо необходимы для правильного понимания поэта. Должно добавить, что только в последние годы начали изучать Пушкина и его время подлинно научными методами и что только в XX веке появились действительно „полные“ (и то не совсем) собрания сочинений Пушкина. Понятно после этого, что всесторонне оценить значение Пушкина стало возможно лишь для нашего поколения. Но эта новая оценка, опирающаяся уже не на догадки, а на факты, проверенные научно, должна, в общем, повторить прежний приговор: Пушкин — великий народный поэт.

Почему же мы вправе и должны называть Пушкина великим поэтом и народным поэтом?

Народным или национальным называют поэта, который в своем творчестве отражает дух своего народа. Бесспорно, каждый народ имеет свои характерные особенности, свою „личность“, индивидуальность. Французы отличаются и от немцев, и от англичан, и от испанцев, русские — от всех них. История, века и тысячелетия сравнительно обособленной жизни — создали тип русского; у него не только свои привычки, свои бытовые особенности, не схожие с немецкими или испанскими, но и свой взгляд на все, свой способ мыслить, свое „мировоззрение“. Читая Пушкина, мы, русские, узнаем самих себя. Иностранец по-иному подошел бы к героям Пушкина, к Татьяне, к Онегину, к Белкину, к Дубровскому, к Мельнику и его дочери; иностранец иначе отнесся бы к бесконечному ряду привычных нам картин и образов, рассеянных в поэмах, стихотворениях и повестях Пушкина, — к зиме, с ее метелями и вьюгами, к раздолью наших степей, к нашей тихой весне, ко всем явлениям нашей природы и нашей жизни; наконец, иностранец по-иному стал бы оценивать события и явления не-русской жизни, и этого „Каменного гостя“ Испании, и „Скупого рыцаря“, и Гирея, и Старого Цыгана.

Надо быть русским, надо сжиться с нашей природой, чтобы так говорить <текст обрывается>» (л. 15; на бланке Варшавского комитета по делам печати, по старой орфографии).

Если это было действительно предисловие к планировавшемуся изданию, то вряд ли его можно признать удачным. Для потенциального читателя книги, выпущенной «Центрифугой», оно все-таки слишком элементарно, да и проблема, о которой пишет Брюсов, не соответствует заявленной в плане — биографическому очерку о Пушкине. В еще меньшей степени годился бы для этого издания другой вариант статьи, начало которой сохранилось в той же папке (л. 17–18, 20 об.). Пояснения вроде «„либеральным“ (освободительным) движением» и даже «преподавателей (учителей)», как кажется, свидетельствуют, что он был предназначен для какого-то совсем иного предприятия, типа книг «Народной библиотеки», в деятельности которой Брюсов активно участвовал.

Остальные листы данной единицы хранения являются подготовительными материалами для набора, преимущественно расклейки различных изданий. Архивная раскладка (видимо, восходящая еще ко временам И. М. Брюсовой) хаотична и не дает возможности сделать выводы о составе и композиции окончательного варианта книги. Поэтому мы с уверенностью не можем сказать, что именно Брюсов хотел представить читателям этой книгой: малоизвестного Пушкина или же какое-то соединение малоизвестных произведений с широко популярными.

Вторая часть приводимых далее документов уже не связана непосредственно с Брюсовым, а показывает отношение советских издательских инстанций к нестандартным замыслам.

Напомним, что Брюсов с марта 1917 года практически без перерывов занимал различные высокие посты в иерархии государственных учреждений, контролировавших печать. С марта до сентября 1917 года он был руководителем московского Комиссариата по регистрации произведений печати,²³ в 1918–1919 годах — Управления по де-

²³ Подробнее об этом см.: Орлова М. В. В. Я. Брюсов — комиссар по регистрации произведений печати в 1917 году (по материалам Рукописного отдела Государственного литературного

лам печати, и какое-то время — отдела научных библиотек Наркомпроса, затем служил в Государственном издательстве (которое в то время выполняло массу разных функций, прежде всего — давало разрешения на выход книг), и т. д. Бобров в это время также служит в Госиздате и явно имеет возможности для проталкивания книг, как собственных, так и своего издательства. Но даже такое высокое положение Брюсова и связи Боброва не могли практически ничем помочь в выпуске некоторых книг. Как и почему это происходило, наглядно показывает история интересующего нас сборника.

Еще до середины 1918 года была некоторая надежда, что хотя бы относительная свобода печати сохранится. Однако после 6 июля этой надежде был положен предел. Вся власть в области книгоиздательства и выпуска СМИ сосредоточилась в руках различных советских инстанций, мало что понимавших в порученном им деле. Первый из документов, имеющихся в нашем распоряжении, — письмо издательства «Центрифуга» (в машинописной копии подписи нет, но вряд ли можно сомневаться, что подписывал все Бобров) следующего содержания:

«Книгоиздательство
ЦЕНТРИФУГА
Москва, Погодинская, 4, 45
30 декабря 1918.
№ 127

В Отдел по делам печати Московского Совета
Рабочих и Красноармейских Депутатов

В ответ на отношение Ваше от 26 с/м <...> редакционная коллегия книгоиздательства ЦЕНТРИФУГА имеет честь препроводить Вам следующие данные о деятельности издательства. <...>

4) *План дальнейших работ.* — В настоящее время в Типографии т<оварищест>ва Левенсон находится в работе одна наша книга: „К. Бубера, Критика житейской философии“, книга набрана и сверстана, но типография задерживает печатание <...> Намечены к печати и частью уже и готовы к печати следующие книги: 1) „Пушкину Центрифуга“, сборник, посвященный малоизвестным творениям поэта под редакцией Валерия Брюсова, 2) альбом красочных рисунков А. Экстер „Разрыв, движение, вес“, часть клише этого сборника готова, остальные находятся в работе, 3) сборник „Стихотворения“ <...>, 4) Второй том переводов И. А. Аксенова из английских авторов до-Шекспировского времени <...>, 5) третий альманах к<нигоиздательств>ва, куда входят стихи, изящная проза, теория творчества и стиха, критика и библиография, 6) второй том „Записок стихотворца“ С. П. Боброва <...> 7–13) книги стихов Асеева, Аксенова, Боброва, Большакова, Ивнева и Шиллинга, 14–19) изящная проза Ивнева, Пастернака, Аксенова. <...> Ко всему этому мы должны прибавить, что, как уже было указано нами в докладной записке, поданной Вам в октябре с/г, не только расширение, но и продолжение работы к<нигоиздательств>ва в настоящее время невозможно из-за отсутствия средств. До сих пор к<нигоиздательств>во не окупало себя (да мы и не задавались нимало коммерческими целями) и существовало на субсидии богатых „любителей“. В настоящее время приток таких субсидий прекратился, и надеяться на его возобновление тщетно, так как если раньше могла быть надежда на то, что деньги рано или поздно вернуться к ссудившему их, то теперь, в связи с муниципализацией книгоиздательства на это „меценат“ надеяться не может. Это создает для нас такое положение, что без поддержки государства мы существовать далее не можем. Ввиду этого мы недавно обратились к Народному Комиссару по Просвещению товарищу А. В. Луначарскому с докладной запиской, где, изложив вышесказанное, просили о таковой поддержке, на что и получили от товарища Луначарского словесное обещание удовлетворить нашу просьбу. Конкретизация же поддержки этой откладывается

музея) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. М., 2017. С. 219–234.

до полного формирования при Народном Комиссариате по Просвещению Литературного Отдела.

Редактор-Издатель

Члены Коллегии <подписей нет. — Н. Б.>.²⁴

Трудно сказать, идет ли здесь речь о далее публикуемом письме (с вполне объяснимой хронологической неувязкой) или о каком-либо другом, но в любом случае смысл вполне передается:

«Народному Комиссару по Просвещению
т. А. В. Луначарскому.
от книгоиздательства ЦЕНТРИФУГА
в Москве.

Прошение

Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА имеет честь покорнейше просить Вас о разрешении отпечатать и выпустить в свет книгу „Пушкину — Центрифуга“ под редакцией В. Я. Брюсова.

Книга эта задумана нами еще в 1917 году (когда и появился анонс о ней в нашем издании «Пикассо и окрестности») и по мысли к<нигоиздательст>ва и редактора ее должна представлять собой сборник произведений Пушкина, которые обычно в „полных собраниях“ отходят на задний план, печатаются петитом в примечаниях и потому доходят лишь до сведения знатоков и специалистов. Учитывая то обстоятельство, что многочисленные отрывки Пушкина и варианты, несмотря на свою диспаратность и фрагментарность, представляют собой высокую эстетическую ценность, мы решились объединить эти спорады творчества в одну книгу и таким образом довести до широких масс то, из чего возникли впоследствии титанические произведения Пушкинской музы. Кроме того, в этой книге будут помещены многие варианты, почерпнутые непосредственно из рукописей, — плод многолетней работы В. Я. Брюсова, заслуженного пушки<ни>ста, над рукописями поэта.

Ввиду декрета о национализации классиков, воспрещающего частным к<нигоиздательст>вам издавать этих последних, к<нигоиздательст>во ЦЕНТРИФУГА настоящим обращается к Вам с просьбой разрешить выпуск описанной книги.

Редактор-Издатель ЦЕНТРИФУГИ

СБ

Секретарь Редакции <подписи нет. — Н. Б.>

29 января 1919.

Москва, Погодинская 4, 45

№ 5».²⁵

Из других документов, хранящихся в этом фонде, становится очевидно, что никакие усилия начала 1919 года не помогли, и осенью Бобров вновь предпринимает попытки спасти издательство. Л. Флейшман писал со ссылкой на материалы личного архива М. П. Богословской-Бобровой: «В 1918 г. С. П. Бобров, И. А. Аксенов, К. А. Большаков, Рюрик Ивнев и Б. Л. Пастернак подают А. В. Луначарскому докладную записку с ходатайством об официальной поддержке книгоиздательства „Центрифуга“».²⁶ Нам представляется, что речь идет о первой (недатированной) записке из трех, ныне находящихся в фонде Боброва в РГАЛИ.²⁷ Две остальные имеют даты: 22 сентября и 2 ноября 1919 года, т. е., скорее всего, и первая относится к осени 1919 года. Во всех трех ставится вопрос о поддержке футуристических устремлений издательства, и брюсовский сборник Пушкина даже не упоминается. Однако 25 ок-

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 81–82. Машинопись.

²⁵ Там же. Л. 87. Машинопись, подпись Боброва — чернилами.

²⁶ Флейшман Л. История «Центрифуги». С. 542.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 68.

тября (примечательный день!) от «Центрифуги» в Госиздат поступает подробная и убедительно прописанная смета на ряд изданий, которые предполагается выпустить. Не воспроизводя ее всю, перечислим лишь те книги, на которые издательство запрашивало деньги: сборники Боброва «Дельта» и «Лотофаг», «Ангел всех скорбящих» Большакова, «Эйфелея» Аксенова и «Третий сборник Центрифуги» были готовы к печати,²⁸ об интересующей нас книге (обозначенной как «В. Брюсов. Пушкину Центрифуга») и втором выпуске «Записок стихотворца» Боброва было сказано: «Оригиналы могут быть представлены примерно через месяц по утверждению смет»; наконец с пометой: «Для производства нижеследующих оригиналов необходимо предварительное авансирование» шли «Антология русской поэзии от Кантемира до наших дней», «Ритм французского стиха» Ландри, «Основы английской метрики» Веррье и «Экспериментальная фонетика» Скрипчюра.²⁹ Помимо того, различные материалы той же единицы хранения называют книгу: «Евгений Шиллинг. Херувимская. 1-я книга стихов», 4 п. л., и сборник «Стихoved», 6 п. л. Для историков русской науки о литературе рубежа 1910–1920-х годов может представить интерес сохранившееся там же содержание первого выпуска «Стихoveda». Его должны были составить статьи: «И. А. Аксенов. Экспериментальная метрика на Западе; С. П. Бобров. Установленные влияния (теории реминисценции); Б. В. Томашевский. Ритм в прозе; С. Часин <?>. Новая подделка Пушкина; Р. О. Якобсон. Поэзия В. Хлебникова (?); В. Шишов. Русский вольный ямб (?); Библиография».³⁰

31 октября 1919 года датирована выписка из протокола коллегии Госиздата:

«Слушали:

7) Просьба Книгоиздательства Центрифуга о субсидии

Постановили:

7) Отклонить, считая в настоящий момент несвоевременным расход бумаги на предлагаемые Центрифугой произведения».³¹

Бобров попробовал еще раз добыть в Госиздате деньги, теперь уже хотя бы на издание той книги, которая нас прежде всего занимает. Он обращается в эту инстанцию с прошением:

«В Государственное Издательство

Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА, предполагая выпустить книгу „Пушкину ЦЕНТРИФУГА“, просит ГИЗ, ввиду национализации классиков, разрешить ему это издание.

Книга будет заключать в себе 10 печ. листов и представляет собой сборник тех стихотворений Пушкина, которые по разным обстоятельствам или печатались в примечаниях, или не печатались вовсе (более или менее законченные варианты из рукописей), и таким образом были известны лишь знатокам, а до более широкого круга читателей не доходили вовсе. Таких вещей у Пушкина немало, и в общем их набралось на почтенный том в 160 страниц. Сборник „Пушкину ЦЕНТРИФУГА“ вчерне готов и может быть представлен немедленно по утверждению сметы. Сборник был задуман нами еще

²⁸ Книги Боброва изданы не были; рукописный вариант «Эйфелея» сохранился в его библиотеке (ныне в ГПИБ, воспроизведен на сайте и диске среди прочих книг русского авангарда); неизданный «Ангел всех скорбящих», который доброжелательно рецензировал Брюсов (см.: Лит. наследство. Т. 85. С. 244), возможно хотя бы отчасти реконструировать; о составе «Третьего сборника Центрифуги» см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907–1932. Т. 1. Кн. 2. С. 795–798.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 663. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 33. Статья Боброва была позднее опубликована под заглавием «Заимствования и влияния» (Печать и революция. 1922. Кн. VIII. С. 72–92), статья Томашевского — по всей видимости, его доклад в Московском лингвистическом кружке 13 февраля 1920 года (опubl.: *Томашевский Б. В.* О стихе. Л., 1929. С. 254–317), Якобсона — скорее всего, какие-то материалы к его первой работе о Хлебникове (Новейшая русская поэзия: набросок первый. Прага, 1921). «Новая подделка Пушкина», вероятно, трактовала о судьбе известной мистификации Боброва, обманувшей Н. О. Лернера (см.: *Зеленкова Е. В.* Об одной литературной мистификации).

³¹ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 18.

в 1916 г., а в 1917 был анонсирован в нашем издании „Пикассо и окрестности“. Редактирует издание В. Я. Брюсов, известность которого как образцового пушкиниста не требует эпитетов и служит вполне достаточной гарантией за научную значимость книги. Конкурировать с Государственными изданиями Пушкина (напр<имер>, с Академическим) наша книга, разумеется, не может, ибо не имеет в виду дать представление о Пушкине, а стремится лишь к развитию этого представления.

Редактор-Издатель ЦЕНТРИФУГИ

С. Б.

Секретарь <подпись нрзб.>». ³²

Мы не знаем, что произошло в «коридорах Госиздата» (А. Тарковский), но менее чем через месяц появился документ, который имеет смысл процитировать:

«Договор № 24/112

24 ноября 1919 года мы, нижеподписавшиеся, в лице Заведующего В. В. ВОРОВСКОГО с одной стороны и к<нигоиздательств>во „ЦЕНТРИФУГА“, в лице владельца С. П. БОБРОВА, проживающего по М. Путинковскому пер., в д. № 4, кв. 21, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1) Государственное Издательство заказывает к<нигоиздательств>ву „Центрифуга“ книги: а) БОБРОВ, „Дельта“; б) „ТРЕТИЙ СБОРНИК ЦЕНТРИФУГИ“; в) БРЮСОВ „Пушкину Центрифуга“ и г) СКРИПЧЮР, „Экспериментальная фонетика“, книги печатаются в количестве 1000–3000 экз. и весь завод передается полностью в Государственное Издательство <...>». ³³

Но этот договор так ни к чему и не привел. Ни одна поименованная в нем книга не вышла в свет. На этом издательская эпопея с работой Брюсова, насколько мы могли ее проследить, заканчивается.

Болею или менее понятно, почему Брюсов не стал поддерживать Боброва и бороться за нее. Книга была еще явно не готова, надо было приложить немало усилий, чтобы ее довести до типографии, а Брюсов в это время был увлечен новой пушкинской работой — полным собранием сочинений, из которого увидел свет только первый выпуск первого тома (вышел в мае 1920 года). Да и новый читатель Пушкина требовал совсем иного подхода к представлению поэта.

³² Там же. Ед. хр. 663. Л. 17. Документ не датирован, но его исходящий номер — 10, тогда как предыдущий, № 9, был датирован 25 октября, а отрицательное решение — 31 октября, и в нем говорится о книгах, а не об одной работе, деньги на издание которой испрашивались сейчас.

³³ Там же. Л. 19. Бланк Государственного издательства. На л. 20 — копия.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-252-268

«КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ»: СВЕРДЛОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В. В. МАЯКОВСКОГО. ЧАСТЬ 1

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

© Л. В. ХАЧАТУРЯН)*

Среди исследований творчества В. В. Маяковского в последнее десятилетие начинают преобладать работы, посвященные записным книжкам поэта. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, не опубликован, за исключением отдельных документов, огромный комплекс записных книжек, блокнотов и рабочих тетрадей, которые

* Исследование подготовлено в рамках проекта РФФ № 19-18-00353, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».